

УДК 342.59

DOI 10.21685/2072-3016-2018-4-1

О. В. Романовская

ДЕЛЕГИРОВАНИЕ ВЛАСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ В РОССИЙСКОМ ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ УЧЕНИИ О ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ¹

Аннотация.

Актуальность и цели. Делегирование властных полномочий негосударственным организациям – распространенная практика в современном мире. Она рассматривается как возможность повышения эффективности публичного управления и характерна для демократических государств, основанных на определенных конституционных принципах. В то же время теоретические основы делегирования власти были изложены еще в доктринальных источниках дореволюционных ученых-юристов. Их выводы и рекомендации могут быть использованы в современной юридической практике. Цель работы – провести историко-правовое исследование принципов перераспределения полномочий органов государственной власти с учетом вовлечения негосударственных организаций.

Материалы и методы. Исследовательские задачи были решены благодаря научному анализу широкого спектра источников, посвященных проблемам организации государственной власти. В качестве метода исследования в первую очередь был использован историко-правовой, позволивший провести параллели с современной моделью делегирования властных полномочий негосударственным организациям.

Результаты. Представлен общий вывод о самостоятельности государства в определении агентов, реализующих его властные функции. При этом их перечень и статус носят вторичный характер по отношению к общим признакам государства.

Выводы. В статье указано на основную доктрину в дореволюционных юридических исследованиях относительно наличия Верховной власти. Власть как таковая определялась как базовый признак любого государства. Выделена концепция публичных корпораций.

Ключевые слова: делегирование, полномочия, государство, власть, государственный орган.

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-03-50051-ОГН.

© 2018 Романовская О. В. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

DELEGATION OF POWER IN THE RUSSIAN PRE-REVOLUTIONARY DOCTRINE OF THE STATE AND LAW

Abstract.

Background. The delegation of authority to non-governmental organizations is a common practice in the modern world. It is considered as an opportunity to increase the efficiency of public administration and is characteristic of democratic states based on certain constitutional principles. At the same time, the theoretical foundations of the delegation of power were outlined in doctrinal sources of pre-revolutionary legal scholars. Their conclusions and recommendations can be used in modern legal practice. The objective of the work is to conduct a historical and legal study of the principles of redistribution of powers of public authorities, taking into account the involvement of non-governmental organizations.

Materials and methods. The research tasks were solved by means of a scientific analysis of a wide range of sources devoted to the problems of the organization of state power. As a method of research, in the first place, historical-legal was used, which made it possible to draw parallels with the modern model of delegation of powers to non-governmental organizations.

Results. The general conclusion about independence of the state in definition of the agents realizing its imperious functions is presented. At the same time, their list and status is secondary to the general characteristics of the state.

Conclusions. The article points to the main doctrine in pre-revolutionary legal studies regarding the presence of supreme power. Power, as such, was defined as the basic attribute of any state. The concept of public corporations is highlighted.

Keywords: delegation, authority, state, authority, government agency.

Понятие государственной власти имеет многоплановый характер и волнует умы ученых на протяжении многих столетий. Институциональным воплощением ее выступают органы, которые характеризуются как проводники государственной воли. В то же время практика публичного управления знает значительное число примеров вовлечения в этот процесс негосударственных организаций. Ранее подобные случаи не подлежали какой-то жесткой правовой оценке, поскольку во главу угла ставился принцип абсолютности монархической власти: кому глава государства доверил действовать от своего имени, тот и осуществляет властные полномочия. Уже при появлении первых конституций вопрос о субъектах осуществления власти стал носить принципиальный характер. В современном мире появляется целый терминологический ряд (делегирование, деконцентрация, дерегулирование и др.), отражающий определенные «оттенки» осуществления власти, где один из ее участников – субъект с нестандартным статусом. В то же время первые научные исследования проводились в России задолго до принятия первой Конституции и относились к дореволюционному этапу развития. Обратимся к некоторым из них, выделим, насколько глубоко рассматривался в них институт делегирования власти.

Известный правовед И. А. Ильин рассматривал формы общежития, в числе которых особое место уделялось государству [1]. Характеризуя особенности реализации власти, он использовал термин «распределение», отсутствие которого привело бы к параличу государства. Ученый не трактовал

единство государственной власти как ее принадлежность одному органу, «нераспределимость функций и компетенций». Есть «единство волеуправления», которое и определяет перечень субъектов, уполномоченных на ее воплощение [2, с. 5].

Российский дореволюционный ученый Б. А. Кистяковский характеризовал государство как «оседлый на определенной территории народ, объединенный известной степенью социальной солидарности и обладающий организованной властью» [3, с. 90]. Государство воспринималось им в классическом виде как монополия на власть: «Только государство обладает всей полнотой власти и располагает всеми ее формами. Все остальные социальные организации обладают лишь частичной властью или какую-нибудь одной из ее форм. Притом власть всех остальных социальных организаций нуждается для своего осуществления в санкции со стороны государственной власти». Одновременно с признанием классической модели осуществления власти органами государства Б. А. Кистяковский указывал на публично-правовые организации, которые не являются государством, но обладают сходной властью. Он выделял такие «автономные организации», как церкви, иные религиозные общины, относя к ним (в какой-то мере) и университеты. Автор называет их «публично-правовыми корпорациями», но при этом дополняет: «Однако все эти публично-правовые организации применяют не свою власть, а власть государства, они обладают властью лишь постольку, поскольку государство наделяет их ею; помимо государства они никакой властью не располагают. Государство отличается от этих публично-правовых союзов тем, что оно ни от кого не заимствует своей власти; оно обладает своей собственной властью, которая не только возникает в нем самом, но и поддерживается и ограничивается его собственными средствами» [4, с. 6].

Н. М. Коркунов рассматривал государственную власть как особую группу реальных явлений общественной жизни [5, с. 10]. При этом он подчеркивал, что невозможно объяснить государственное властвование как действие единой воли: «Если бы государственное властвование было действием единой воли, все осуществляющие это властвование установления должны бы были быть устроены так, чтобы выражать эту единую волю. Между тем в действительности очень часто государственным установлениям придается намеренно такой состав, строй и порядок действия, чтобы парализовать ими проявление в действиях установления всегда единой воли» [5, с. 12]. В качестве примера автор приводит назначение на должности по жребию, практиковавшееся в древних государствах. Оригинальность идей Н. М. Коркунова заключается в том, что он указывает на иные механизмы, обеспечивающие государству возможность властвовать, – «это сила, обусловленная сознанием зависимости от государства». Но зависимость эта строится не на всемогуществе государства, а на единстве языка, обычаев, культуры, родственных и общественных связей. Государство лишь пользуется этими «скрепами», становится формой общественного жития, «человеческого общения». Автор справедливо указывает, что долгое время в теории государства и права не ставился так принципиально вопрос о разделении общества и государства. При таком подходе делегирование власти и выделение его особенностей не носило принципиальный характер. Общественные и государственные институты находились в тесном переплетении, когда сложно было провести саму

разделительную черту. Можно вспомнить массу примеров, когда семья [6] выполняла функции государства, а в некоторых случаях являлась основой государства. Точно так же церковь являла собой костяк государства, а в некоторых случаях подменяла органы правотворчества и управления. Цеховые гильдии определяли правила регулирования всех общественных отношений, создав основу для формирования многих европейских городов-республик. И лишь историческое развитие приводит к полному установлению монополии государства на принуждение, в чем Н. М. Коркунов видит развитие политической жизни.

Делегирование упоминается А. Д. Градовским, но в узком смысле, только применительно к земским собраниям. При этом делается ремарка, что подобное явление появилось в Российской империи недавно, после реформы местного самоуправления [7]. Автор представляет исторический экскурс в процесс становления аппарата государственного управления, где личное служение видоизменяется в государственную службу.

А. Я. Антонович (как и А. Д. Градовский) делегирование рассматривал через участие земств в «удовлетворении местных потребностей», дополняя: «Государство передает часть своего дела общественным союзам, видя в этом один из наиболее целесообразных способов осуществления задачи благоустройства. Союзы эти поэтому представляются органами полицейской деятельности государства же. Из этого видно, что органы самоуправления не могут существовать независимо от органов управления. Те и другие преследуют цели государственного благоустройства, между ними должно быть единение, а не антагонизм. Самоуправление является одним из способов наилучшего достижения целей благоустройства, т.е. одной из форм общего управления. Поручая органам самоуправления определенные задачи, государство не может отказаться от надзора и контроля за выполнением этих задач... Передавая задачи местного благоустройства органам самоуправления, государство не только не может отказаться от наблюдения за выполнением им же вверенного поручения, но некоторые из них объявляет обязательными» [8].

Другой представитель российской юридической науки И. Т. Тарасов, сторонник русской терминологии, предвидел перспективы вовлечения негосударственных организаций в процесс реализации публичных полномочий. Критикуя термин «ассоциация», он предлагал новый – «соединство»: «Соединство, в тесном смысле, как орган управления является продуктом новейшего времени, и мы живем в такую эпоху, когда эта новая, живая сила энергически пробивает себе все большую и большую область деятельности, в пределы которой входят не только прежде известные, но и вновь открытые задачи. Многие задачи, выполняемые теперь органами соединства, выполнялись прежде органами правительства и самоуправления, но еще большее количество задач, выполнение которых органами соединства оказало и теперь оказывает неисчерпаемые услуги человечеству, было дотоле неизвестно» [9, с. 35]. Далее автор определяет виды соединства: «Соединство, в этом тесном смысле, обнимает собою только некоторые, законом определенные, формы общения, за которыми признано значение органов управления, т.е. не частных учреждений, преследующих частные цели, а учреждений общественных, преследующих цели общественные. Формы эти – корпорации (учреждения), общества и товарищества». И. Т. Тарасов, представив общую картину,

при этом уходил от детального разбора, в чем выражался публичный элемент рассматриваемых соединств. К тому же он выделял и иные формы общения, заключающие в себе лишь некоторые элементы соединства: «Сюда следует отнести: 1) брачный союз, семью и, так называемое, *communio*, имеющее место, например, при общем владении наследством, конкурсном управлении имуществом должника и т.п.; 2) договорные общества, возникающие из хозяйственных потребностей и известные под названием *societates*; 3) общежития территориальные, профессиональные и т.п.; 4) собрания и съезды политические и неполитические и 5) тайные союзы» [9, с. 37]. Последние в качестве примера представлены масонскими ложами.

Союзы, преследующие общественные интересы, выделял А. С. Алексеев. Он отличал их от союзов, у которых преобладали частные цели. Особенность первых заключается в том, что мотивы их создания находятся в «сознании общей пользы». Граждане, участвующие в деятельности таких союзов, отделяют свой частный интерес, а общественный интерес получает самостоятельное значение. Автор приводил и собственную классификацию в зависимости от преследования общественного интереса: «Есть общественные интересы, преследование которых для каждого человека является неотразимым требованием его культурного прошлого и не зависит поэтому от его доброй воли: он должен их преследовать, если и не хочет отказаться от общения с себе подобными. И есть другие интересы, которые таким неотразимым требованием не являются: от доброй воли каждого зависит, преследовать их или нет. Союзы, преследующие интересы первого рода, называются произвольными союзами: к ним принадлежат корпорации публичного права (государство, церковь, община). Союзы, преследующие интересы второго рода, называются произвольными союзами: к ним принадлежат корпорации гражданского права» [10, с. 27]. А. С. Алексеев при этом определял государство как «союзное общественное господство», как союз свободных людей, «признающих над собой не личную власть, а только власть общественную» [10, с. 28].

В трудах ученых дореволюционного времени значительное внимание уделялось принципу единства государственной власти. Б. Э. Нольде сводил представление о единстве к тому, «что в едином государстве имеется не только один центр государственной власти и один ее источник, но, кроме того, власть эта из такого центра симметрично, правильными волнами, распространяется в однообразных формах на каждую часть территории и на каждую группу населения» [11, с. 254]. Следуя выделенной традиции, он дополнял: «Дележ государственной работы между служилым элементом, коронными агентами государственной власти, с одной стороны, и автономными организациями, с другой, является одним из характернейших явлений государственной жизни». Но и в этом случае под автономными организациями Б. Э. Нольде понимал территориальные образования, которые в той или иной мере ощущают некоторую самостоятельность в решении собственных вопросов. Но даже в этом аспекте ученый подчеркивал: «Государственная природа самоуправления несомненна» [11, с. 260].

О. Эйхельман указывал, что человек черпает жизненный мотив «из своего просвещенного и разумного понимания о государстве» [12, с. 11], которое обозначалось им как «моральное существо». Исходя из этого, власть определялась как неограниченная и самодержавная, а государство – «органи-

зованное господство над страной и населением». Таким образом государство свободно в определении субъектов, осуществляющих власть от его имени. Подобные рассуждения находили свое отражение в концепции «Верховной власти», получившей свое развитие еще в Наказе Екатерины II (с дополнениями к нему 1768 г.): «Право же от власти Верховной неотделимое было, есть и будет: 1) власть законодательная, 2) власть защитительная и 3) власть совершительная... Власти эти суть малые протоки, сиречь правительства, через которые изливается власть государева». А. В. Романович-Славитинский на основе представленного тезиса выразил общую формулу организации власти: «Таким образом, правительственные функции, как власть, принадлежат только государю. Правительственные же функции властей подчиненных – только полномочия, **делегации** (выделено мной – О. Р.) от власти Верховной, в объеме и пределах, законом точно обозначенных» [13, с. 260].

В. В. Ивановский рассматривал суть единства государственной власти в абсолютной монархии, которая заключалась в простом факте: сосредоточении ее в руках одного лица – самодержца. В то же время «не было еще такого примера, чтобы власть проявлялась и осуществлялась одним физическим лицом без посторонней помощи и организации» [14, с. 87]. Для этого и создается система агентов, но имеющая обязательный признак – «единство властвования». Самодержец самостоятельно определяет перечень агентов, позволяющих реализовать принадлежащую ему власть. Л. А. Шалланд указывает: «Всякий общественный союз может существовать лишь при наличии известных учреждений или лиц, могущих выражать во вне его волю. Для высшего общественного союза – государства – также необходимы органы, через которые оно проявляет свою волю, так как проявление воли является необходимым условием государственного властвования» [15, с. 66].

Таким образом, возможность делегирования власти имеет своеобразное толкование: от Верховной власти – органам, ее реализующим. Дореволюционная юридическая наука именно поэтому практически не использовала и термин «делегирование», поскольку его как такового и не было. Создание агентов – естественная необходимость, делегирование же подразумевает элемент «своеволия». Такой же естественный путь рассредоточения власти абсолютного монарха начертал и А. И. Елистратов: «По мере усложнения задач государственной деятельности он все шире пользуется услугами должностных лиц. Первоначально должностные лица являются не более, как личными слугами короля; они служат ему по найму; их обязанности состоят в исполнении отдельных поручений. И лишь впоследствии служебное бремя должностного лица превращается в определенный комплекс публичных обязанностей и прав – в определенную, юридически скомбинированную, совокупность заданий публичной деятельности в связи с предоставленными в распоряжение должностного лица средствами к их осуществлению. У отдельных групп должностных лиц создается определенная, устойчивая компетенция, укрепляющая их самостоятельность» [16, с. 31]. С. А. Корф указывал на «процесс дифференциации государственной власти», что и приводило к большому разнообразию ее осуществления [17, с. 32].

Завершая анализ дореволюционной государствоведческой мысли, следует обратить внимание на работу В. И. Дунаева и А. А. Никитинского [18], в которой есть глава с примечательным названием «Государство будущего». Авторы представляют общий обзор исследований современных им мыслите-

лей: Г. Еллинека, Ш. Бенуа, М. Леруа и др. Обобщив ряд работ, российские исследователи определили, что появилась заметная тенденция – формирование новых центров регулирования общественных отношений. Каждый из авторов указывал на появление различных предпринимательских и рабочих союзов – «дифференцированных организаций», все больше смещающих вектор влияния на принятие общегосударственных решений. Подобные союзы более компетентны, объединяют заинтересованных граждан, самоорганизующихся и умеющих формулировать требования, которые бы наиболее соответствовали их интересам. Российские ученые не согласны с таким видением, считая, что «до сих пор, по крайней мере, эволюция шла в сторону централизации» [18, с. 200], но при этом отмечая намечающуюся тенденцию: развитие демократических начал приведет к пересмотру роли бюрократии и чиновничества в регулировании общественных отношений. Уже в то время исследователи указывали на определенную нестыковку: как частнопроводные организации могут перенять функции государства, если их юридическая природа (организации и государства) прямо противоположны? Будучи приверженцами социалистического учения, В. И. Дунаев и А. А. Никитинский отмечают и появление «реакционных организаций» – союзов предпринимателей, рангов, трестов и т.д.: «Им незачем завоевывать государственную власть: она большею частью в их руках, и речь идет только о том, чтобы удержать ее. Буржуазное государство не может серьезно бороться с ними, хотя и испытывает иногда неудобство существования таких могущественных организаций наряду с собою и в себе. Поэтому можно ожидать роста увеличения их повсюду» [18, с. 208].

Революционные события привели к полному изменению государствоведческой мысли. В 1918 г. произошло принятие Конституции РСФСР, объявившей диктатуру пролетариата и установившей цель – построение коммунистического общества. Марксистско-ленинская идеология строилась на постепенном отмирании государства. Закреплялось всевластие советов и господство одной партии. Любые рассуждения о возможности делегирования власти негосударственным организациям могли быть оценены как покушение на верховенство Коммунистической партии [19]. Понадобилось чуть более 70 лет, чтобы российский вектор развития вернулся в цивилизованное русло, когда те мысли, которые были сформулированы дореволюционными учеными-юристами, могут быть использованы в современной управленческой практике.

Обобщая труды дореволюционных ученых-государствоведов, формулируем некоторые тезисы:

1. Власть определялась как базовый признак любого государства. В ее отсутствие можно было констатировать и отсутствие государства.
2. Наибольшее распространение получило учение о наличии Верховной власти, которая в условиях монархического строя принадлежала государю.
3. Естественная необходимость реализации государственной власти приводит к созданию государственного аппарата и чиновничества. С усложнением общественных отношений, все больше нуждающихся в публичном регулировании, развивается и аппарат реализации публичных функций.
4. Государство самостоятельно в определении агентов, реализующих его властные функции. Их перечень и статус являются вторичными по отно-

шению к общим признакам государства как публично-правовой корпорации, обладающей статусом юридического лица.

5. Российская юридическая наука анализировала статус публичных корпораций, включавших в себя «правительственный элемент», допуская создание подобных (при соблюдении ряда условий, в числе которых особый правительственный надзор) в национальном правовом порядке.

Библиографический список

1. **Ильин, И. А.** Теория права и государства / И. А. Ильин. – М. : Зерцало, 2003. – 400 с.
2. **Романовский, Г. Б.** О монархии (памяти И. А. Ильина и к 400-летию Дома Романовых) / Г. Б. Романовский // Гражданин и право. – 2013. – № 10. – С. 3–9.
3. **Кистяковский, Б. А.** Государственное право (общее и русское) : лекции. Ч. 1 / Б. А. Кистяковский. – М. : Московская типо-литография, 1909. – 432 с.
4. **Кистяковский, Б. А.** Сущность государственной власти / Б. А. Кистяковский // Юридические записки, издаваемые Демидовским юридическим лицеем. – 1913. – Вып. 3. – С. 297–335.
5. **Коркунов, Н. М.** Русское государственное право / Н. М. Коркунов. – Изд. 6-е. – СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1908. – Т. 1. – 623 с.
6. **Романовская, О. В.** «Семейные» объединения граждан в российском праве / О. В. Романовская // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2009. – № 5. – С. 121–133.
7. **Градовский, А. Д.** Начала русского государственного права : в 3 т. / А. Д. Градовский. – СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1875. – Т. 1. – 470 с.
8. **Антонович, А. Я.** Курс государственного благоустройства (полицейского права) / А. Я. Антонович. – Киев, 1890. – 410 с.
9. **Тарасов, И. Т.** Лекции по полицейскому (административному) праву / И. Т. Тарасов. – М. : Печатня А. И. Снегиревой, 1910. – Т. 2. Общая часть. – 266 с.
10. **Алексеев, А. С.** К учению о юридической природе государства и государственной власти / А. С. Алексеев. – М. : Тип. Правительствующего Сената, 1895. – 262 с.
11. **Нольде, Б. Э.** Очерки русского государственного права / Б. Э. Нольде. – СПб. : Правда, 1911. – 564 с.
12. **Эйхельман, О.** Очерки из лекций по русскому государственному праву / О. Эйхельман. – Киев, 1893. – 126 с.
13. **Романович-Славитинский, А. В.** Система русского государственного права в ее историко-догматическом развитии / А. В. Романович-Славитинский. – Киев : Тип. Г. Л. Фронцкевича, 1886. – Ч. 1. Основные государственные законы. – 308 с.
14. **Ивановский, В. В.** Учебник государственного права / В. В. Ивановский. – Казань : Типо-литография Императорского университета, 1908. – 511 с.
15. **Шалланд, Л. А.** Русское государственное право / Л. А. Шалланд. – Юрьев : Издание студентов юристов, 1908. – 272 с.
16. **Елистратов, А. И.** Очерк государственного права (конституционное право) / А. И. Елистратов. – Изд. 2-е, перераб. – М. : Тип. и цинкогр. т./д. «Мысль», 1915. – 167 с.
17. **Корф, С. А.** Русское государственное право / С. А. Корф. – М. : Скоропеч, А. А. Левенсон, 1915. – Ч. 1. – 321 с.
18. **Дунаев, В. И.** Очерки науки о государстве / В. И. Дунаев, А. А. Никитинский. – М. : Польза, 1909. – 208 с.
19. **Романовский, Г. Б.** О праве на восстание (к 100-летию Октябрьской революции) / Г. Б. Романовский // Гражданин и право. – 2017. – № 9. – С. 17–30.

References

1. Il'in I. A. *Teoriya prava i gosudarstva* [The theory of state and law]. Moscow: Zertsalo, 2003, 400 p.
2. Romanovskiy G. B. *Grazhdanin i pravo* [The citizen and the law]. 2013, no. 10, pp. 3–9.
3. Kistyakovskiy B. A. *Gosudarstvennoe pravo (obshchee i russkoe): lektsii. Ch. 1* [State law (common and Russian): lectures. Part 1]. Moscow: Moskovskaya tipo-litografiya, 1909, 432 p.
4. Kistyakovskiy B. A. *Yuridicheskie zapiski, izdavaemye Demidovskim yuridicheskim litseem* [Juridical proceedings issued by Demidovskiy Lyceum of Law]. 1913, iss. 3, pp. 297–335.
5. Korkunov N. M. *Russkoe gosudarstvennoe pravo* [Russian state law]. 6th ed. Saint-Petersburg: Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1908, vol. 1, 623 p.
6. Romanovskaya O. V. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie* [University proceedings. Jurisprudence]. 2009, no. 5, pp. 121–133.
7. Gradovskiy A. D. *Nachala russkogo gosudarstvennogo prava: v 3 t.* [Principles of the Russian state law: in 3 volumes]. Saint-Petersburg: Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1875, vol. 1, 470 p.
8. Antonovich A. Ya. *Kurs gosudarstvennogo blagoustroystva (politseyskogo prava)* [A course of state improvement (political law)]. Kiev, 1890, 410 p.
9. Tarasov I. T. *Lektsii po politseyskomu (administrativnomu) pravu* [Lectures on police (administrative) law]. Moscow: Pechatnya A. I. Snegirevoy, 1910, vol. 2, 266 p.
10. Alekseev A. S. *K ucheniyu o yuridicheskoy prirode gosudarstva i gosudarstvennoy vlasti* [On the teaching about the juridical nature of state and state power]. Moscow: Tip. Pravitel'stvuyushchego Senata, 1895, 262 p.
11. Nol'de B. E. *Ocherki russkogo gosudarstvennogo prava* [Essays on the Russian state law]. Saint-Petersburg: Pravda, 1911, 564 p.
12. Eykhel'man O. *Ocherki iz lektsiy po russkomu gosudarstvennomu pravu* [Essays from the lectures on the Russian state law]. Kiev, 1893, 126 p.
13. Romanovich-Slavitinskiy A. V. *Sistema russkogo gosudarstvennogo prava v ee istoriko-dogmaticheskoy razvitiy* [The system of Russian state law in its historical-dogmatic development]. Kiev: Tip. G. L. Frontskevicha, 1886, part 1, 308 p.
14. Ivanovskiy V. V. *Uchebnik gosudarstvennogo prava* [A state law textbook]. Kazan: Tipolitografiya Imperatorskogo universiteta, 1908, 511 p.
15. Shalland L. A. *Russkoe gosudarstvennoe pravo* [The Russian state law]. Yurev: Izdanie studentov yuristov, 1908, 272 p.
16. Elistratov A. I. *Ocherk gosudarstvennogo prava (konstitutsionnoe pravo)* [An essay on state law (constitutional law)]. 2nd ed. rev. Moscow: Tip. i tsinkogr. t./d. «Mysl'», 1915, 167 p.
17. Korf S. A. *Russkoe gosudarstvennoe pravo* [The Russian state law]. Moscow: Skoropech, A. A. Levenson, 1915, part 1, 321 p.
18. Dunaev V. I., Nikitinskiy A. A. *Ocherki nauki o gosudarstve* [Essays on science of the state]. Moscow: Pol'za, 1909, 208 p.
19. Romanovskiy G. B. *Grazhdanin i pravo* [The citizen and the law]. 2017, no. 9, pp. 17–30.

Романовская Ольга Валентиновна

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой государственно-
правовых дисциплин, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Romanovskaya Ol'ga Valentinovna

Doctor of juridical sciences, professor, head
of sub-department of state-legal disciplines,
Penza State University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

E-mail: vlad93@sura.ru

УДК 342.59

Романовская, О. В.

Делегирование властных полномочий в российском дореволюционном учении о государстве и праве / О. В. Романовская // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2018. – № 4 (48). – С. 5–14. – DOI 10.21685/2072-3016-2018-4-1.